

УДК 94(35)"8/9"

doi: 10.17072/2219-3111-2016-3-13-21

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ИСТОРИКИ И ГЕОГРАФЫ IX–X ВЕКОВ О ВИЗАНТИЙСКОМ ВОЕННОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Е. А. Мехамадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7/9

e.mehamadiev@spbu.ru

Анализ сведений арабского историка ат-Табари (839–923 гг.) и арабского географа Ибн Хаукала (вторая половина X в.) и сопоставление их с греческими источниками («Жизнь Евтимия Нового» и «Жизнь Марии Новой») позволили сделать вывод о том, что землевладение командного состава армии – офицеров в ранге турмарха – полностью отличалось от землевладения рядовых стратиотов. Выявлены причины этого различия. Подчеркнуто, что сведения арабских авторов свидетельствуют о наличии нового аспекта в византийском военном землевладении.

Ключевые слова: военное землевладение, стратиоты, агиография, ат-Табари, Ибн Хаукал, турмархи.

В 1903 г. Л. Пети издал текст, который с того времени служит одним из важнейших источников по истории византийской армии первой половины IX в., – «Жизнь Евтимия Нового», византийского святого и монаха, жившего в 823/824–898 гг. [Kazhdan, 1991, p. 757, sv. Euthymios the Younger]. К этому житию неизменно обращаются все исследователи внутренней организации византийской армии, особенно – военного землевладения, социального и правового положения военных земель в Византии IX в. Выделение последней проблемы не случайно. «Жизнь Евтимия Нового» позволяет ответить на вопрос о том, существовала ли в Византии того времени особая категория земель, которые государство предоставляло за военную службу стратиотам – рядовым военнослужащим византийской армии. Однако намного реже привлекаются сведения арабских авторов, также проливающие свет на проблему военного землевладения.

Арабских авторов следует разделить на две категории – историки и географы. Все они в той или иной мере рассматривали в своих произведениях и события византийской истории, поэтому мы полагаем, что их сведения не только заслуживают внимания, но и необходимы для изучения социальной организации византийской армии в IX–X вв. В этой статье мы проанализируем сведения арабоязычного историка персидского происхождения, «отца мусульманской историографии» ат-Табари (839–923 гг.) [Bosworth, 2000, p. 11–12], автора многотомной «Истории пророков и царей» (Tārīḥ ar-Rusul wa al-Mulūk), и арабского географа, путешественника и торговца Ибн Хаукала, жившего во второй половине X в. [Miquel, 1986, p. 787] и написавшего в 977/978 г. трактат «Книга путей и стран» (Kitāb al-masālik wa al-mamālik). Наша цель – сопоставить сведения арабских и греческих источников о военных землях и военном землевладении в Византии и проследить эволюцию государственной политики в отношении земельных участков, которыми владели стратиоты – рядовые военнослужащие византийской армии, а также представители командного состава византийской армии.

Из большого количества сведений, которые содержит «Жизнь Евтимия Нового», мы обратили внимание на небольшой фрагмент текста, в котором упоминается о том, что, когда Евтимию исполнилось 7 лет, он был отдан на военную службу (в одной из наших статей мы предположили, что на самом деле Евтимий поступил на военную службу намного позже, в возрасте 15 или 16 лет, в связи с чрезвычайной мобилизацией, потребовавшей привлечения в армию и молодых людей непризывного возраста [Мехамадиев, 2015, с. 167]), а после ее завершения, когда ему исполнилось 18 лет, вернулся в свою родную деревню Опсо в феме (военно-территориальном округе) Букелларии на северо-западе Малой Азии².

На основании сведений «Жизни Евтимия Нового» можно сделать два вывода: 1) совершенно очевидно, что Евтимий не получал от государства какого-либо земельного участка, что вполне естественно, более того, государство не выдавало землю и родственникам Евтимия, например, его матери, – Евтимий вернулся в свою родную деревню и продолжал там жить до ухода в монастырь, владея семейным имуществом, т.е. тем земельным участком, который был передан ему по наследству от родителей; 2) государство определенно составляло рекрутские списки и проводило перепись всех военнообязанных юношей призывного возраста, живших в пределах той или иной фемы.

Указанные аспекты византийской военной организации не только вызывают у исследователей неизменный интерес, но и заставляют задуматься над вопросом о том, можно ли говорить о государственном военно-служилом землевладении в Византии применительно к IX–X вв. Дж. Хелдон, одним из первых рассмотревший данный вопрос в 1979 г., пришел к выводу, что в Византии IX–X вв. не было военно-служилого землевладения: все стратиоты (рядовые военнослужащие) владели только собственными, семейными, землями, они получали эти земли в наследство от родителей, государство же до середины X в. вносило в списки рекрутов только юношей призывного возраста, а с середины X в. стало фиксировать в списках и земельные участки стратиотов [Haldon, 1979, p. 46–48, 63–64]. Следовательно, в изложении Дж. Хелдона обычные рекрутские списки к середине X в. превратились в цензовые, т.е. в имущественные, списки воинов-землевладельцев, их семей и родственников.

П. Лемерль выделял специальную категорию военных домохозяйств – семьи, в которых сын непосредственно нес военную службу, в то время как его родители или другие родственники выполняли повинность под названием *στρατεία*. Под словом *στρατεία* исследователь понимал обязанность родителей и родственников военнослужащего снабжать его продовольствием, вооружением, амуницией, деньгами и другими необходимыми элементами военной службы, при этом *στρατεία* была фискальной обязанностью, представляла собой налог, возложенный на семью стратиота государством. Земельные участки подобных домохозяйств заносились в ценз и находились под контролем государства, которое, в частности, не позволяло продавать такие земли [Lemerle, 1979, p. 151–155].

В 1984 г. Р.-И. Лили, следуя трактовке Дж. Хелдона, подчеркнул, что в течение IX в. мелкое и среднее крестьянство постепенно разорялось и попадало в зависимость от крупных землевладельцев, что неизбежно наносило удар и по армии, поскольку именно крестьяне служили главным источником пополнения военных сил империи. Как результат, с X в. государство, по мнению Р.-И. Лили, начало фиксировать в специальных цензовых списках земли крестьян, служивших в армии, чтобы закрепить эти земли за их собственниками и защитить от посягательств со стороны посторонних лиц. Такие земельные участки, как полагает исследователь, и получили название *τά στρατιωτικά κτήματα* («военные земли») [Lilie, 1984, s. 201].

В 1988 г. Н. Икономидис, рассмотревший новеллы императора Константина VII Багрянородного и его трактат «О церемониях», отметил, что стратиоты IX–X вв. представляли собой солдат-крестьян, живших в своих домах в мирное время и отправлявшихся на войну только в случае военного призыва, а в период военных действий земля стратиота обрабатывалась его семьей или родственниками, которые снабжали военнослужащего всем необходимым именно из полученных от этого средств [Oikonomidès, 1988, p. 128]. В 1989 г. Д. Гурецки выделила еще один важный аспект политики Константина VII Багрянородного. По ее мнению, своими новеллами император ввел в действие новый вид земельных держаний: государство могло объявить земли обедневших крестьян военными, обязав владельцев таких земель снабжать армию продовольствием, или переселить крестьян на пустующие, заброшенные земли, наделив их статусом военных. Таким образом, по мнению Д. Гурецки, государство стремилось поддержать фонд мелкого и среднего крестьянского землевладения, защитить крестьян от притеснений со стороны крупного чиновничества [Górecki, 1989, p. 164, 166, 171–172].

В 1992 г. М. Григориу-Иоанниду пришла к сходным выводам [Grigoriou-Ioannidou, 1992, p. 221], а в 1995 г. и М. Каплан показал, что по своему составу византийская армия VII–X вв. была преимущественно крестьянской, рекрутировалась именно из мелкого и среднего крестьянства, более того, сами стратиоты жили в деревнях, где они родились, а не в военных крепостях, поскольку стратиоты были теми же крестьянами, отправлявшимися в специальные пункты дислокации только в случае мобилизации, перед началом военной кампании [Kaplan, 1995, p. 45–46, 54–55].

В 1997 г. П. Магдалино пришел к выводу о том, что новеллы Константина VII не только позволили защитить крестьянское землевладение от посягательств крупных земельных собственников, но и полностью изменили содержание военной повинности, *στρατεία*, которая теперь стала привязана не к семье стратиота, а к его земельному участку, более того, сам земельный участок лишился статуса частной собственности и переходил в состав государственного земельного фонда [Magdalino, 1997, p. 19]. Наконец, в 2009 г. Д. Гурецки, подвергнув существенной корректировке свои прежние выводы, подчеркнула, что в середине X в. слово *στρατιώτης* приобрело новый, более широкий – правовой – смысл: им обозначались не столько сами военнослужащие, сколько скорее все крестьяне, на которых было возложено выполнение повинности *στρατεία*. Другими словами, по мнению Д. Гурецки, так называли крестьян, земли которых были занесены в специальные военные списки. При этом главная обязанность таких крестьян заключалась в финансовом и продовольственном снабжении армии, в случае же, если они не могли платить налоги, они сами направлялись в армию, где непосредственно несли военную службу [Górecki, 2009, p. 142–143, 145].

Представленный историографический обзор свидетельствует о том, что все исследователи признают отсутствие в Византии какого-либо условного служилого землевладения, когда государство выдавало стратиотам земли за их военную службу и на условии несения этой службы. Наоборот, по их мнению, стратиоты владели собственными, семейными земельными участками, которые они получали не от государства, а по наследству от родителей. Другой вопрос, что практически все исследователи для доказательства этого обращались только к греческим источникам, главным образом, агиографическим текстам, действительно содержащим ценные сведения о социальной организации византийской армии в IX–X вв. Однако, как нам кажется, для более детального изучения этого вопроса необходимо привлечь и сведения восточных, в данном случае – арабо-мусульманских авторов ат-Табари и Ибн Хаукала, тем более что эти авторы давно переведены на западноевропейские языки, поэтому они доступны не только востоковедам, но и византинистам.

Из двух названных авторов обратимся в первую очередь к «отцу арабо-мусульманской историографии» ат-Табари, во фрагментах труда которого рассказывается о событиях 837/838 г. (223 г. х.), когда Византия подверглась очередному арабскому вторжению, в результате которого арабы смогли не только продвинуться до западных регионов Малой Азии, но и захватить город Аморий – столицу фемы Анатолик, к тому времени один из наиболее стратегически важных и процветающих городов империи [Kazhdan, 1991, p. 79–80, sv. Amorion]. Для анализа сведений ат-Табари мы обратились к французскому переводу М. Канара, опубликованному в 1935 г. в виде приложения к первому тому французского перевода монументального классического труда А.А. Васильева «Византия и арабы» [Vasiliev, 1935].

По словам ат-Табари, узнав о вторжении арабского войска, «наместник» (*gouverneur*) одного из городов Малой Азии, который в переводе М. Канара обозначен как Курра (Qurra), «ушел вместе со всеми всадниками, которые были вместе с ним в городе, и разместился в засаде в горах, которые находятся между Куррой и Дуррой. Эти высокие горы окружают округ, который называется “округ Курра”»³. Далее, согласно ат-Табари, когда командующий арабским войском Амр ал-Фаргани «узнал, что командующий Куррой опасается (встречи) с ними (с арабами. – Е.М.), он продвинулся вперед вплоть до Дурры, где просидел в засаде всю ночь». Утром следующего дня Амр ал-Фаргани предпринял решительную атаку на гарнизон византийских войск, в результате арабы захватили в плен «некоторое количество греков, которые частично принадлежали к войскам императора, частично – к населению пограничной территории», и, как свидетельствует ат-Табари, среди этих пленников был и всадник из Курры⁴.

Вслед за Э. Хонигманном мы локализуем город Курра в Каппадокии и идентифицируем с крепостью Корон (*φρούριον Κόρον*), которую упоминает и Константин VII Багрянородный в трактате «О фемах» [Honigmann, 1935, S. 45 Anm. 7, 48; см. также: Hild, Restle, 1981, S. 216]. Следовательно, можно признать, что Курра – одна из византийских пограничных крепостей, располагавшихся в феме Каппадокия. Эта фема упоминается в так называемом Тактиконе Успенского – византийском административном справочнике, составленном в 842/843 г. [Oikonomidès, 1972, p. 45–47, 49.6: ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Καππαδοκίας], она же фигурирует и в более позднем справочнике – так называемой Клиторологии Филофея, изданной в 899 г. [Oikonomidès, 1972, p. 81, 101.11: ἡ (ἀξία) τοῦ στρατηγοῦ Καππαδοκίας, 105.3: ὁ στρατηγὸς Καππαδοκίας].

Но ни в одном из тактиконов нет сведений об «округе», т.е. о феме Курра. Мы не сомневаем-

ся в том, что под словом «округ» следует понимать именно фему, военно-административный регион, обладавший собственными структурами управления. Тем не менее и в других фрагментах своей «Истории пророков и царей» ат-Табари сообщает сведения, явно подсказывающие, что под округом Курры он имел в виду именно фему. Применительно к событиям 877–878 и 883–884 гг., когда арабо-византийское вооруженное противостояние развернулось с новой силой, историк упоминает об участии в боевых действиях против арабов патрикия Курры⁵, но для нас очень важно то, что в византийской военной иерархии титул патрикия могли носить только стратеги, в данном случае – стратег (наместник) фемы Курра.

Очевидно, можно согласиться с Н. Икономидисом в том, что патрикий Курры – это не кто иной, как стратег Каппадокии, в то время как крепость Курра (Κόρον) была официальной резиденцией, ставкой этого командующего [Oikonomidès, 1972, p. 48–49, n. 24]. Соответственно, исходя из сообщений ат-Табари можно заключить, что гарнизон крепости Курра (отряд кавалерии, разгромленный арабами в 837/838 г. – 223 г. х.) постоянно размещался в этом укрепленном пункте в качестве регулярного войскового подразделения. Крайне маловероятно, что всадники, о которых говорит ат-Табари, прибыли в Курру только незадолго до вторжения арабов и всего лишь в качестве превентивной меры. Поэтому мы полагаем, что воины, входившие в состав гарнизона Курры, не могли владеть какими-либо условными земельными участками, полученными от государства, в противном случае им пришлось бы совмещать обработку земли с военной службой, что в условиях постоянной и нарастающей арабской угрозы было бы просто невыносимо. Любое временное отсутствие стратиотов в пунктах их дислокации в связи с земельными работами и уборкой урожая могло привести к прорыву границы арабами, другой вопрос, что применительно к Каппадокии ат-Табари четко разделяет войска императора и мирных жителей, «население пограничной территории» (*populations du territoire frontier*).

Мы можем предположить, что под «населением пограничной территории» как раз и следует понимать крестьян, более точно – семьи и родственников стратиотов, состоявших на военной службе в крепостях, т.е. в пунктах, удаленных от общины, где родился стратиот. Стратиот, таким образом, не занимался сельским хозяйством в период военной службы, за него это делали его семья и/или родственники, которые обрабатывали принадлежавший ему участок и снабжали его из этих средств всем необходимым. Данный земельный участок, как мы полагаем, представлял собой семейную собственность, передаваемую по наследству от отца к сыну, он не был связан с каким-либо государственным служилым землевладением – стратиот получал землю от родителей, а не от государства.

Сведения другого арабского автора – географа Ибн Хаукала – позволяют выявить некоторые новые детали, связанные с проблемой военного землевладения в Византии уже в более поздний период – в X в., когда жил сам географ. В одной из глав своей «Книги путей и стран» Ибн Хаукал подробно разбирает важнейшие военные и гражданские должности византийской придворной администрации и в связи с этим упоминает должность турмарха – второго по рангу военного офицера, следующего за стратегом. Как известно, турмарх командовал турмой – внутренней административной единицей в пределах фемы, по сути, турмарх был первым заместителем стратега, он обладал не только *военными*, но и гражданскими (судебными и фискальными) полномочиями [Kazhdan, 1991, p. 2100–2101, sv. Tourma, Tourmarches]. Ибн Хаукал называет турмархов «земельной аристократией» (*Ensuite viennent les Turmarques, membres de l'aristocratie foncière*), говорит о том, что они принадлежат к «богатым семьям Константинополя» (*et des familles riches de Constantinople*) (цитируем текст по французскому переводу Г. Виета [Ibn Hauqal, 1964, p. 191]).

Как доказал А. Микель, полная и итоговая версия труда Ибн Хаукала, которая и дошла до наших дней, вышла в свет в 988 г. [Miquel, 1986, p. 787], но, к сожалению, крайне сложно определить, какой период отражают цитированные нами сведения географа. Судя по всему, это был уже X в., поскольку в пассаже Ибн Хаукала речь идет именно о земельной аристократии, владельцах большого количества земель, а что касается IX в., то все источники (и греческие, и восточные) свидетельствуют только о мелком и среднем землевладении рядовых стратиотов.

Характеристика, которую дает турмархам Ибн Хаукал, позволяет предполагать, что представители командного состава византийской армии в лице турмархов владели значительным земельным имуществом и, видимо, эти земельные участки турмархи получали уже от государства, поскольку, по словам того же Ибн Хаукала, «каждый ребенок турмархов, рожденный в Константино-

поле, получает от императора жалование начиная с рождения и вплоть до конца своей жизни» (Tout enfant des Turmarques, né à Constantinople, reçoit de l'empereur un traitement à partir de sa naissance jusqu'à la fin de sa vie) [*Ibn Hauqal*, 1964, p. 191].

Независимо от того, насколько достоверны слова географа о пожизненном содержании турмархов, мы видим совершенно четкую связь этих офицеров и государства: турмархи как составная часть военной элиты получали жалование от государства именно в силу того, что находились на военной службе, были военными чиновниками государства. Соответственно, только государство могло предоставить турмархам и земельные участки, которыми они владели.

Мы полагаем, что наш вывод о турмархах получает подтверждение благодаря греческому агиографическому источнику, который в целом не столь часто привлекается исследователями для изучения византийского военного землевладения, этот текст – «Жизнь Марии Новой» (ΒΗΓ³ 1164), византийской святой, жившей предположительно в 867–902/903 гг.⁶ во Фракии, в городе Визий. Согласно житию Мария родилась и жила в предместье города Месена во Фракии (προόστειον ἦν κατὰ τὴν ἐν Θράκη), в 886 г. она стала женой друнгария Никифора (Νικηφόρος τις δρουγγάριος – [Delehaye, Peeters, p. 692D]) – военного офицера, который, таким образом, занимал должность, низшую в иерархии, чем должность турмарха [*Kazhdan*, 1991, p. 663, sv. Droungarios]. В 893 г. вместе со своим мужем и двумя сыновьями Мария обосновалась в городе Визий в той же Фракии, где Никифор получил более высокую должность турмарха⁷.

Через несколько лет, в 927 г., уже после смерти Марии, ее сын Ваан, возглавлявший византийский военный гарнизон в крепости Селимврия в той же Фракии⁸, добровольно сдался в плен болгарскому царю Симеону I (893–927 гг.) ради спасения города Визий, где много лет прожила мать Ваана. Тем самым Ваан добился снятия осады города, который намеревался захватить Симеон I. Когда в том же году Симеон I умер, Ваан вернулся из плена. Далее в житии сообщается, что через какое-то время Ваан «получил должность друнгария» (καὶ δρουγγαρίου τάξιν λαχών), при этом, по словам автора жития, «будучи выше денег и любой наживы, он (Ваан. – *Е.М.*) всегда отдавал добычу воинам-сослуживцам» (χρημάτων δὲ καὶ κερδῶν πάντων ἀνώτερος ὢν, παρεχόμεναι αἰεὶ τοῖς συστρατιώταις τῶν σκόλων [Delehaye, Peeters, 1925, p. 703C]).

Интересно отметить, что не Ваан, а один из его сослуживцев – Феодор – получил командование над турмой, которую некогда возглавлял отец Ваана, Никифор (Θεόδωρον τινα τὸν τὴν τοῦρμαν διαδεξάμενον τοῦ πατρὸς αὐτοῦ [Delehaye, Peeters, 1925, p. 704A]). Карьерные пути Никифора и его сына Ваана, обрисованные в «Жизни Марии Новой», свидетельствуют, что Никифор как глава турмы, входившей в состав фемы Фракия [*Kaplan*, 1995, p. 49], не только служил в городе Визий, но и жил в нем вместе со своей семьей, что предполагает наличие у него определенной земельной собственности, полученной от государства. В свою очередь сын Никифора Ваан дислоцировался уже в крепости, которая называлась Селимврия, поскольку этот населенный пункт служил штаб-квартирой войск, подчинявшихся Ваану.

К сожалению, у нас нет сведений о том, владел ли сам Ваан каким-либо земельным участком, но рассмотренные ранее фрагменты жития указывают на то, что военная карьера Ваана во многом повторяла карьеру его отца: мы знаем, что по истечении определенного времени Ваан, как и Никифор, занял должность друнгария. Судя по всему, позже Ваан должен был получить и более высокую должность турмарха в Визии, но, очевидно, по неизвестным нам причинам он отказался от нее в пользу своего сослуживца Феодора.

В любом случае, как мы полагаем, пример с турмархом Никифором иллюстрирует истоки того процесса, который отражен в географическом трактате Ибн Хаукала: турмархи как представители командного состава византийской армии могли получать землю от государства не просто в обмен на военную службу, но при условии *наследственной* военной службы, передаваемой от отца к сыну. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует и фраза Ибн Хаукала, которой он завершает свое описание должности турмарха: если турмарх «становится монахом, он более не получает жалование и император исключает его из списков» (Mais s'il se fait moine, il ne reçoit plus de solde et l'empereur le fait rayer des roles) [*Ibn Hauqal*, 1964, p. 191].

Несомненно, под «списками» Ибн Хаукала следует понимать военные ведомости, т.е. списки всех командующих и рядовых воинов той или иной фемы с указанием причитающегося им жалования. Но турмархи получали от государства не только жалование. Судя по тексту «Жизни Евтимия Нового», государство заносило в так называемые военные книги, т.е. рекрутские списки, тех воен-

нослужащих, которые владели собственными мелкими и средними земельными участками. Позже, уже в середине X в., как полагают большинство исследователей, государство стало фиксировать в этих списках и сами земли стратиотов, которые продолжали служить объектом налогообложения.

Очевидно, что турмархи в силу своего привилегированного положения получали земли от государства, и эти земельные участки, очевидно, превышали по размерам те, которыми владели рядовые стратиоты. Соответственно, мы можем предположить, что государство вносило всех турмархов в специальные цензовые списки, где фиксировались жалованье турмарха и его земельная собственность. Причиной этой меры, видимо, было стремление государства контролировать процесс распределения крупной земельной собственности.

Привлечение сведений арабских авторов в сопоставлении с греческими источниками, на наш взгляд, позволяет выделить два аспекта византийского военного землевладения. Большинство исследователей, занимающихся этой проблемой, неизменно отстаивали и отстаивают тезис об отсутствии категории военно-служилых земель, которые государство выдавало стратиотам за их военную службу и на условии военной службы. Большинство византинистов, таким образом, отрицают идею о наличии условной земельной собственности в Византии IX–X вв., ссылаясь исключительно на греческие источники – агиографические тексты и новеллы императоров Македонской династии. К тому же при оценке статуса военного землевладения исследователи обращаются только к одной стороне проблемы – рассматривают сведения о рядовом составе армии, рядовых военнослужащих (стратиотах), не принимая во внимание тот факт, что значительную роль в развитии военного землевладения могли играть и представители командного состава византийской армии.

Но данные арабо-мусульманских авторов – ат-Табари и Ибн Хаукала – как раз и показывают, что ситуация в области военного землевладения не была столь однозначной и зависела от того, к какому рангу принадлежал военнослужащий. Рядовые воины (стратиоты) действительно владели только собственными мелкими и средними земельными участками, семейной земельной собственностью, которую они получали не от государства, а по наследству от родителей. Это вполне объяснимо, поскольку в основной своей массе византийская армия рекрутировалась и пополнялась из мелкого и среднего крестьянства, рядовой состав армии был преимущественно крестьянским по социальному происхождению. Но эти стратиоты не занимались сельским хозяйством во время военной службы. В одном из пограничных регионов – Каппадокии – ат-Табари четко различает военные гарнизоны, где воины несли службу, и мирное гражданское население, которое, на наш взгляд, следует отождествить именно с сельскими жителями. Как мы полагаем, стратиоты просто физически не могли совместить земледелие с военной службой в период, когда они пребывали в своих крепостях; земельные участки стратиотов обрабатывали их семьи и родственники. При этом государство неизменно заносило земли стратиотов в цензовые списки, чтобы контролировать сбор налогов и выполнение военной повинности (т.е. обязанности снабжать армию).

Что касается командного состава армии, то мы можем предположить, что офицеры, занимавшие должность турмарха, получали землю от государства, более того, их денежное снабжение обеспечивалось из средств государственной казны. На наш взгляд, именно поэтому Ибн Хаукал называл турмархов «земельной аристократией» Константинополя, отмечал богатство, высокий имущественный уровень семей турмархов. Конечно же, государство, как свидетельствует географ, заносило земли турмархов в цензовые списки, но, очевидно, не с целью взимания налогов. Как раз наоборот, в этом случае государство стремилось зафиксировать сам процесс передачи крупной земельной собственности во временное владение турмархов, и такая земельная собственность была именно условной: она выдавалась на период и на условии военной службы, а если турмарх отказывался от своей должности, то его вычеркивали из списков и он прекращал получать жалованье, а значит, его земля возвращалась в казну.

Как видим, государство проводило различную фискальную политику в отношении армии, содержание же и принципы фискальных мер зависели от положения (ранга, звания) тех, кто становился объектом такой политики. И в этой связи мы полагаем, что сведения арабских авторов дают возможность раскрыть новые аспекты в системе снабжения и содержания армии, а также в механизме функционирования ее внутренней социальной структуры.

Примечания

¹ Работа выполнена по темплану НИР СПбГУ, Мероприятие 2/14, проект «Арабо-мусульманская историография IX века о странах и народах Южного Кавказа, Армянского нагорья и Азербайджана», шифр в ИАС

5.38.283.2014.

² καταγγομένη δ' οὖν ὁμως τῆ τῆς ἐκστρατείας ἐπιθέσει, ἀνάγραφτον αὐτὸν τοῖς στρατιωτικοῖς ἐκδίδωσι κώδιξι – «принужденная же бременем военного похода, она (т.е. мать Евтимия. – *Ε.Μ.*) отдает его, записанного в военные списки, (в армию)»; τελει μέντοι κἀντεῦθεν ἐν τοῖς στρατιωτικοῖς καταλόγοις καὶ πάντα τῆ μητρὶ γίνεται – «он завершает службу в военных списках и с того времени становится всем для матери»; πάντων τῶν ἐν τῷ οἴκῳ τὴν φροντίδα καὶ τῶν ἐκτὸς τὴν ἐπιμέλειαν ἀναδεξάμενος – «он принимает на себя заботу о тех, кто в доме, и попечение о тех, кто вне (дома)»; ἔτος ἦν τοῦτο τῆς μὲν ἀπὸ γεννήσεως τοῦ ἀγίου ἀγωγῆς ὀκτωκαίδεκατον – «тот год был восемнадцатым от начала жизни святого» [*Petit*, 1903, p. 172. 19–21, 25–26, 28–29, p. 173. 29–31 = *Petit* 1904, p. 18. 19–21, 25–26, 28–29, p. 19. 29–31].

³ [*Vasiliev*, 1935, p. 296]: partit avec tous les cavaliers qu'il avait avec lui dans la ville et se mit en embuscade dans la montagne qui se trouve entre Qurra et Durra. C'est une montagne élevée qui entoure le district que l'on nomme «district de Qurra».

⁴ [*Vasiliev*, 1935, p. 296]: 'Amr al Fargāni apprit que le commandant de Qurra se gardait d'eux, et s'avanca jusqu'à Durra où il se tint embusqué toute la nuit... un certain nombre de Grecs, appartenant en partie aux troupes de l'Empereur, en partie aux populations du territoire frontière (al dawāhī)... 'Amr prit un Grec des cavaliers de Qurra.

⁵ Le patrice de Qurra s'enfuit couvert de blessures – «Патрикий Курры бежал, покрытый ранами» [*Vasiliev*, 1950, p. 9]; для сравнения приведем и английский перевод: The patrikios of Qurrah, though gravely wounded, escaped – «Патрикий Курры, хотя он и был тяжело ранен, спасая бегством» [*The History of al-Tabari*, 1987, p. 144].

⁶ Здесь и далее следуем хронологии, предложенной издателями текста в [*Delehaye, Peeters*, 1925 p. 691]. Все ссылки на текст жития будут даны по этому изданию.

⁷ ὁ τῆς Μαρίας ἀνὴρ Νικηφόρος ἀριστεύει τοῖς Βουλγάροις μαχόμενος καὶ ψήφῳ τῶν κρατούντων εἰς τὴν τῆς Βιζύης τοῦρμαν ἐκτέμνεται, καὶ δὴ τὴν πόλιν αὐτὴν σὺν γυναικὶ καὶ τέκνοις καταλαμβάνει – «муж Марии Никифор проявляет себя в войне с болгарам и по приказу императоров отправляется в турму Визии, и в том городе проживает вместе с женой и детьми» [*Delehaye, Peeters*, 1925, p. 694A]. В двух других фрагментах Мария прямо названа женой турмарха: 1) τοῦ τουρμάρχου... τὴν σύζυγον [*Delehaye, Peeters*, 1925, p. 697B]; 2) γενναίῳ ἀνδρὶ συζευχθείη καὶ στρατηγῷ καὶ τὴν τοῦρμαν αὐτῆς τῆς πόλεως ἀναδεξαμένῳ – «она была выдана замуж за благородного мужа и командующего войском, получившего (власть) над турмой этого города» [*Delehaye, Peeters*, 1925, p. 701B].

⁸ Βαάνης αὐτῷ τὸ ὄνομα, – εἰς στρατώτας καταλεγείς, τοῦ ἐν τῇ Σηλυβρία εὐρισκομένου ἀρτίως Ῥωμαϊκοῦ στρατεύματος στρατηγεῖ – «Имя его Ваан – зачисленный на военную службу, сейчас он командует войском ромеев, которое находится в Селимврии» [*Delehaye, Peeters*, 1925, p. 701C].

Библиографический список

- Μεχαμαδίου Ε.Α.* Арабский географ IX века Ибн Хордадбех и военная организация Византийской империи в VIII – первой половине IX века: проблемы становления византийского фемного строя // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. № 4 (31). С. 160–171.
- Bosworth C.E.* al-Tabari // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 2000. Vol. 10. P. 11–15.
- Delehaye H., Peeters P.* (eds.). Acta Sanctorum. Novembris, 4. Bruxelles, 1925.
- Górecki D.* Constantine VII's Peri ton stratioton // GRBS. 2009. Vol. 48. P. 135–154.
- Górecki D.* The Strateia of Constantine VII: the legal Status, Administration and Historical Background // BZ. 1989. Bd. 82. P. 157–176.
- Grigoriou-Ioannidou M.* Les biens militaires et le recrutement en Byzance // Byzantiaka. 1992. Vol. 12. P. 215–226.
- Haldon J.* Recruitment and Conscription in the Byzantine army c. 550–950. A Study on the origins of the stratiotika ktemata. Wien, 1979.
- Hild F., Restle M.* Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandon). Wien, 1981 (TIB 2).
- Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935.
- Kaplan M.* La place des soldats dans la société villageoise byzantine (VIIe –Xe siècles) // Le combattant au Moyen Âge: (18e Congrès de la) Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (Montpellier, 1987). Paris, 1995. P. 45–55.
- Kazhdan A.P.* (ed.). Oxford Dictionary of Byzantium. Washington DC, 1991. Vol. 1–3.
- Kramers J.H., Wiet G.* (tr.). Ibn Hauqal. Configuration de la terre (Kitab surat al-Ard). Paris; Beyrouth, 1964. Vol. I.
- Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century. Galway, 1979.
- Lilie R.-J.* Die zweihundertjährige Reform: Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert (fortsetzung) // Byzantinoslavica. 1984. Vol. 45. S. 190–201.

- Magdalino P.* The Byzantine Army and the Land: from stratiokon ktema to military pronoiā // N. Oikonomidès (ed.). *Byzantium at War (9th–12th c.)*. Athens, 1997. P. 15–36.
- Miquel A.* Ibn Hawkal // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Leiden; London, 1986. Vol. 3. P. 786–788.
- Oikonomidès N.* Les Listes de Préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
- Oikonomidès N.* Middle-Byzantine provincial recruits: a salary and armament // J. Duffy, J. Peradotto (eds.). *Gonimos. Neoplatonic and Byzantine Studies Presented to Leendert G. Westerlink at 75*. Buffalo; New York, 1988. P. 121–136.
- Petit L.* Vie et office de saint Euthyme le Jeune // *Revue de l'Orient Chrétien*. 1903. Vol. 8. P. 155–206, 503–536.
- Ph.M. Fields* (tr.). *The History of al-Tabari. An Annotated Translation*. Vol. 37: *The Abbasid Recovery*. New York., 1987.
- Vasiliev A.A.* Byzance et les Arabes / H. Grégoire et M. Canard (tr.). Vol. I: *La Dynastie d'Amorium*. Bruxelles, 1935.
- Vasiliev A.A.* Byzance et les Arabes / M. Canard (tr.). Vol. 2: *La dynastie Macédonienne (867–959)*. Pt. 2. *Extraits des sources arabes*. Bruxelles, 1950.
- Petit L.* (ed.). *Vie et office de saint Euthyme le Jeune / Texte grec publié par L. Petit*. Paris, 1904.

Список сокращений

- BZ – Byzantinische Zeitschrift. München, 1892.
GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham, NC, 1958.
TIB – Tabula Imperii Byzantini. Wien, 1976.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.06.2016

ARABIC HISTORIANS AND GEOGRAPHERS OF IX AND X CENTURIES ON BYZANTINE MILITARY LANDHOLDING: PROBLEMS OF INTERPRETATION

E. A. Mekhamadiev

St. Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7/9, 199034, St. Petersburg, Russia
e.mekhamadiev@spbu.ru

All the scholars, who turned to the problem of Byzantine military landholding of the 9th–10th centuries, constantly considered only the evidence of the Greek sources, such as the lives of saints and the laws of the emperors from the Macedonian dynasty. Those sources permit to demonstrate only one aspect of problem that is the landholding of ordinary soldiers (stratiōtai). The data of hagiography and official legislation clearly show that the stratiōtai did not receive any lands from the State, and their lands represented a family property inherited from parents. On the ground of hagiography and legislation, the scholars of Byzantium rejected the existence of military service landholding, that assumes that the warriors received land from the State in return for their service and on condition of military service. Nevertheless, many oriental sources, and first of all the Arabic authors, saved valuable evidence on internal social-administrative and military organization of the Byzantine Empire. The author turned to the Arabic historian al-Tabari (839–923) and the Arabic geographer Ibn Hawqal (the second half of the 10th century), compared those data with the Greek sources (“The Life of Euthymius the Younger” and “The Life of Maria the Younger”) and made the conclusion that the landholding of the command structure – the officers holding the rank of tourmarchos – was radically different from the landholding of ordinary soldiers. The author considers the reasons of such a difference and notes that the evidences of the Arabic authors demonstrate the existence of a new aspect in the Byzantine military landholding.

Key words: military landholding, stratiōtai, hagiography, al-Tabari, Ibn Hawqal, tourmarchoi.

References

- Bosworth C.E.* al-Tabari // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Leiden, 2000. Vol. 10. P. 11–15.
- Delehaye H., Peeters P.* (eds.). *Acta Sanctorum*. Novembris, 4. Bruxelles, 1925.
- Górecki D.* Constantine VII's Peri ton stratioton // *GRBS*. 2009. Vol. 48. P. 135–154.
- Górecki D.* The Strateia of Constantine VII: the legal Status, Administration and Historical Background // *BZ*. 1989. Bd. 82. P. 157–176.
- Grigoriou-Ioannidou M.* Les biens militaires et le recrutement en Byzance // *Byzantiaka*. 1992. Vol. 12. P. 215–226.

- Haldon J.* Recruitment and Conscription in the Byzantine army c. 550–950. A Study on the origins of the stratotika ktemata. Wien, 1979.
- Hild F., Restle M.* Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandon). Wien, 1981 (TIB 2).
- Honigmann E.* Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935.
- J.H. Kramers, G. Wiet (tr.).* Ibn Hauqal. Configuration de la terre (Kitab surat al-Ard). Paris; Beyrouth, 1964. Vol. I.
- Kaplan M.* La place des soldats dans la société villageoise byzantine (VIIe –Xe siècles) // Le combattant au Moyen Âge: (18e Congrès de la) Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (Montpellier, 1987). Paris, 1995. P. 45–55.
- Kazhdan A.P.* (ed.). Oxford Dictionary of Byzantium. Washington DC, 1991. Vol. 1–3.
- Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century. Galway, 1979.
- Lilie R.–J.* Die zweihundertjährige Reform: Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert (fortsetzung) // Byzantinoslavica. 1984. Vol. 45. S. 190–201.
- Magdalino P.* The Byzantine Army and the Land: from stratiakon ktema to military pronoia. // N. Oikonomidès (ed.). Byzantium at War (9th–12th c.). Athens, 1997. P. 15–36.
- Mekhamadiev E.A.* Arabskiy geograf IX veka Ibn Khordadbekh i voennaya organizatsiya Vizantiyskoy imperii v VIII – pervoy polovine IX veka: problemy stanovleniya vizantiyskogo femnogo stroya // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya. 2015. № 4 (31). S. 160–171.
- Miquel A.* Ibn Hawkal. // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden; London, 1986. Vol. 3. P. 786–788.
- Oikonomidès N.* Les Listes de Préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
- Oikonomidès N.* Middle-Byzantine provincial recruits: a salary and armament // J. Duffy, J. Peradotto (eds.). Gonimos. Neoplatonic and Byzantine Studies Presented to Leendert G. Westerlink at 75. Buffalo; New York, 1988. P. 121–136.
- Petit L.* Vie et office de saint Euthyme le Jeune // Revue de l'Orient Chrétien. 1903. Vol. 8. P. 155–206, 503–536.
- Ph.M. Fields (tr.).* The History of al-Tabari. An Annotated Translation. Vol. 37: The Abbasid Recovery. New York., 1987.
- Vasiliev A.A.* Byzance et les Arabes / Grégoire H. et Canard M. (tr.). Vol. I: La Dynastie d'Amorium. Bruxelles, 1935.
- Vasiliev A.A.* Byzance et les Arabes. / Canard M. (tr.). Vol. 2. La dynastie Macédonienne (867–959). Pt. 2. Extraits des sources arabes. Bruxelles, 1950.
- Petit L.* (ed.). Vie et office de saint Euthyme le Jeune / Texte grec publié par L. Petit. Paris, 1904.